

И. И. Муллонен (Петрозаводск, Россия)

Вепсская ойконимия

Вепские ойконимы – это наименования поселений сельского типа, возникшие естественным путем и функционирующие на неофициальном уровне. Формы официального употребления, закрепившиеся в справочниках, списках населенных мест, картах – русские. Причем, нередко официальные названия образуются от совсем иных основ, чем неофициальные вепские. Такое несовпадение реже проявляется в наименованиях кустов поселений (вепс. *Vil'hal* – рус. *Ярославичи*), зато для названий отдельных мелких деревень это норма. К примеру, в селе Шимозеро, представляющем собой гнездо многочисленных мелких деревень, деревня *Pust* по-русски называется *Доровская*, *Mančimägi* – *Фокинская*, *Laht* – *Кузнецовская*, *Naršimägi* – *Яковлевская* и т.д.

Наша картотека включает около 500 ойконимов территории современного вепского расселения и примерно такое же количество наименований поселений смежной русской территории. Последние во многих случаях сохранили память о своих вепских истоках. Вепские ойконимы представлены названиями кустов поселений (см. подробнее ниже), концов или частей этих кустов, отдельных деревень и хуторов, не входящих в кусты. Это достаточно пестрое единство, в котором есть и древние, и более современные элементы. Некоторые вепские ойконимы в адаптированной русской форме упоминаются уже в самом древнем из известных документе по вепской территории, относящемся к XIII в. С другой стороны, названия многих хуторов восходят к рубежу XIX–XX веков. Многие ойконимы несут на себе отпечаток времени своего возникновения, что позволяет использовать их как источник для исследования истории формирования и заселения вепской территории.

Термины со значением ‘поселение’ в вепской ойконимии

В современных вепских говорах для обозначения различных типов сельских поселений существует несколько лексем: *külä*, *derevń*, *posad*, *pağast*. В топонимии их набор значительно богаче. В ней закрепился целый ряд терминов, либо вышедших из активного употребления, либо обозначающих такие типы поселений, которые ныне неизвестны. Среди них *tanaz*, *kond*, *usadišš*, *slabad*, *usad'b*, *selišš*, *hutor*.

Активность лексемы *külä*, имеющей широкие финно-угорские связи и известной во всех прибалтийско-финских языках в значении ‘деревня, селение’, в вепсской топонимии очень мала. Причина кроется в семантике термина, а также исторических условиях формирования вепсских поселений. В большинстве вепсских говоров словом *külä* обозначается не отдельная деревня, а целая группа поселений, т.е. село или куст (гнездо) деревень. Однако для наименований гнезд поселений в вепсской топонимии существует две устойчивых модели: либо оформленные ойконимным суффиксом *-l* (*Karhil*, *Pecoil*, *Vilhal*), либо вторичные, восходящие к наименованию того природного объекта, при котором село расположено (село *Mägjärv* у озера *Mägjärv*: *järv* ‘озеро’) – см. подробнее ниже. Существование этих двух моделей наименований гнезд поселений приводит к тому, что термин *külä* необходим лишь в случае, когда специально конкретизируется, выделяется тип называемого объекта: *Šokšunkülä* при параллельном *Šokš*, *Vilhalankülä* при *Vilhal* и т.д.

В топонимии сохранилась память еще о некоторых вепсских терминах для обозначения населенного места. Один из них **kond*, имеющий в большинстве прибалтийско-финских языков значение ‘крестьянский двор, хозяйство, земельный участок’. Из вепсских же говоров слово было, очевидно, постепенно вытеснено русским эквивалентом **деревня** (усвоен в вепсский в виде *derevni*, *deruvni*, *derõni*), который, как известно, первоначально означал крестьянский двор с прилегающим к нему участком земли (Воронин 1935: 70–73). Однако его многочисленные следы обнаруживаются в вепсской топонимии – в названиях полей и покосов *Ukon/kond*, *Perjan/kond*, *Kondušine* и др., а также деревень *Kond*, *Minan/kond*, *Kondud* (в случае сложного по структуре названия атрибутивный элемент представлен антропонимом). На смежной русской территории память о бывших деревнях сохранилась в топонимах *Кондуши* (неоднократно), *Кондо/сельга*, *Конда* и др.

Очевидно, однодворную деревню могло означать в прошлом и слово *tanaz*, *tannaz* (основа слова *tanha-*), имеющее в современных вепсских говорах значение ‘двор (для скота), хлев’. Оно представлено в вепсских ойконимах *Tanaz* (село *Šidjärvi*¹), *Tanhoine* (*Järved*), *Kešk/tanh* или *Keš/tan* (*Vilhal*), *Aksin/tanaz* (*Pondal*), *Marku/tan* и *Virah/tan* (*Voilaht*). Не исключено, что на активное использование лексемы в вепсских ойконимах могла оказать определенное влияние русская ойконимная модель *Большой Двор*, *Великий Двор*, которая закреплялась за

---

¹ Здесь и далее в скобках следом за топонимными примерами приводится название куста поселений.

поселениями с двором феодала – боярина. Не случайно, *Tanaz* (Šidjärv) и *Keštan* (Viľhal) – это деревни, в которых прежде находились помещичьи усадьбы.

Остальные известные в вепсской топонимии термины со значением ‘поселение, населенное место’ русского происхождения. Это результат раннего и длительного вхождения вепсских территорий в зону действия российского административного управления и усвоения официальных русских терминов. При этом топонимическое употребление терминов отличается от апеллятивного. Так, вепсы, живущие на р. Оять (представители западных говоров средневепского диалекта) используют термин *pagast*, восходящий к русскому *погост* ‘поселение при церкви’, для обозначения центральной в кусте поселений деревни. Он закрепился в виде *Pagast* в наименовании таких центральных (с церковью) деревень в вепсских селах *Ladv*, *Mägjärv*, *Viľhal*, *Järved*, *Karhil*. Топонимия северных вепсов, живущих вдоль юго-западного берега Онежского озера, указывает на то, что здесь для обозначения такого центра села использовали русский термин *posad* (*посад* ‘селение у города, деревня’), который закрепился в виде *Posad*, *Keškoposad* ‘средняя, центральная деревня’, *Suĩposad* ‘большая деревня’, *Papĩnposad* ‘попова деревня’ в наименованиях центральных деревень практически всех северновепских кустов поселений. В современном северновепском диалекте слово *posad* расширило свою семантику и обозначает любое поселение. В свою очередь, южные вепсы для названия центральной деревни пользовались русским по происхождению словом *derõn* (из рус. *деревня*). На это со всей определенностью указывает то обстоятельство, в топонимии южных вепсов термин *derõn* используется исключительно в самостоятельном употреблении, т.е. *Derõn* в селах *Sodjärv*, *Šidjärv*, *Vāgedjärv*, *Kortlaht*. В апеллятивном же употреблении *derõn* обозначает любое поселение.

Будучи малодворными, северные деревни нередко прекращали свое существование и превращались в *пустоши* (вепс. *pust*) и *селища* (вепс. *seliš*). О них напоминают многочисленные микротопонимы – названия сельскохозяйственных угодий в разных концах вепсской территории: *Pust*, *Pustad*, *Čoga/pust*, *Soušin/pust*, *Pustošin/pust*, *Seliš*, *Seliš/püud*. В связи с тем, что на некоторых пустошах могли со временем вновь возродиться деревни, термины проникают и в ойконимию: *Rodin/pust* (село *Arškaht*), *Makoi/pust* (*Laht*), *Pust* (*Voilaht*), *Pust* (*Torazjärv*), *Pust* (*Šimgärv*), *Seliš* (*Voilaht*).

Установление помещичьего землевладения на части вепсской территории в начале XVII века привело к появлению таких ойконимов как *Usad'b* – название деревни, в которой располагалась помещичья

усадьба, или *Slabad*, ср. рус. *слобода* ‘крестьянское поселение, созданное землевладельцем на льготных условиях на пустующей земле’ (Воронин 1935: 40). С распространением в XIX–начале XX в. хуторской системы русский термин *хутор* воспринимается в вепские говоры как *hutor* или *futor* и используется в названиях хуторов: *Futor*, *Pešan/hutor*, *Kirikan/futor*, *Tatarvan/hutor*, *Bairin/futor* и др.

Таким образом, проникновение большинства русских терминов в вепский лексикон и закрепление их в топонимии вызвано вхождением вепских земель вначале в Новгородское, а затем в Российское административное управление. При этом воспринимались не только лексемы, но во многих случаях и сами типы поселений (напр., Пименов 1965: 251).

Гнездовая система расселения

Особенности названия сельских поселений во многом связаны с особенностями формирования системы расселения. Для вепской территории характерна гнездовая система расселения, при которой деревни объединяются в т.н. кусты или гнезда (в более привычных терминах это *село*), включающие от нескольких до нескольких десятков малодворных деревень, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга (обычно от нескольких сот метров до километра) и тяготеющих к единому центру – церковной деревне. Название такого гнезда, как правило, достаточно древнее (подавляющее большинство наименований вепских кустов поселений зафиксировано в средневековых письменных источниках), в то время как наименования входящих в гнездо небольших, часто однодворных, деревень не отличаются большой стабильностью и могут изменяться в связи со сменой владельца крестьянского двора.

Анализ названий гнезд поселений показывает, что они довольно четко делятся на две группы: Первая состоит из оформленных специальным ойконимным суффиксом *-l* (*Karhil*, *Pecoil*, *Vilhal*, *Vingl*, *Šond'al*) названий, в которых суффикс присоединяется к древнему вепскому антропониму (см. ниже). Вторая группа представлена вторичными названиями, сложившимися в результате метонимического переноса наименования природного объекта – реки, озера и др. Села *Enarv*, *Mägjärv*, *Humarv*, *Torazjärv*, *Šimgärv*, *Päžar'*, *Šidjärv*, *Sodjärv* и др. расположены при одноименных озерах (*-järv* и его рудименты ‘озеро’). В названиях сел *Pondal Šapš*, *Šokš*, *Kalag'*, *Toižeg* закрепились названия тех рек, на берегу которых стоят поселения. Названия иных географических реалий редки: *Kortlaht*, *Voilaht* (*laht* ‘залив’), *Vehkoi* (-

oi < *oja* ‘ручей’), *Püudkašk* (*kašk* ‘подсека’). Такая особенность вторичных вепских ойконимов связана с характерным для поселений географическим расположением на берегах озер и рек.

На гнездовой тип расселения четко указывают многие названия входящих в гнездо мелких деревень. Они отражают географическое положение поселения относительно центральной деревни. Так, многочисленны ойконимы, в которых выступает либо в самостоятельном употреблении, либо в качестве детерминанта сложного топонима “ситуативное” слово *agj* с диалектными вариантами *ag’g’*, *agd’* ‘конец’: *Agj*, *Ag’g’*, *Agd’*, *Alaž/agd’* ‘нижний конец’ и *Üliž/agd’* ‘верхний конец’ по течению реки в селе *Šoutarv*, *Suv/agd’* ‘южный конец’ и *Pohd’/agd’* ‘северный конец’ в селе *Kaskeza*, в с. Ладва *Ondri/agj*, *Tihon/agj*, *Semuk/agj*, в которых атрибут выражен личным именем. Другая “ситуативная” лексема *sürj*, *sirj* ‘край’ используется в основном самостоятельно: деревни с названием *Sürj*, *Sürg*, *Süird’*, *Sirj* хорошо известны во многих вепских селах, она сохранилась в виде *Сюрья* или *Сюрьга* и на соседней обрусевшей территории в качестве вепского наследия. На “угловое, конечное” расположение деревни относительно центра села указывают и ойконимы с элементом *čoga*, *čuga* ‘угол’: *Čoga* (неоднократно), *Nouman/čug*.

Две выделенные группы названий гнезд поселений демонстрируют довольно четкое ареальное размежевание. Ойконимы с суффиксом *-l* распространены в долинах рек Оять и Капша (бассейн р. Свирь), где живут представители средневепского диалекта, и известны за южными пределами этой территории – у южных вепсов. Вторичные же названия преобладают на северной и восточной окраинах вепской территории – в Прионежье и Белозерье. Они есть и на южной окраине – в верхнем течении р. Лидь. Такое деление сложилось исторически. Ареал распространения ойконимов *-l*-овой модели накладывается на археологический ареал курганов Юго-Восточного Приладожья рубежа I–II тыс. н. э., свидетельствующих о появлении устойчивого земледельческого населения и связываемых археологами с древними вепсами (АК). В связи с наложением ареалов логично предполагать, что *-l*-овая ойконимия – это след языка носителей приладожской курганной культуры, т.е. древних вепсов. Это хорошо согласуется с выводами исследователей финской и эстонской топонимии *-l*-овой ойконимии о том, что она продуктивна в местах наиболее раннего оседлого земледельческого освоения, в то время как территория, где преобладают названия поселений, восходящие к наименованиям природных объектов, осваивалась позднее (Nissilä 1962: 92, Vahtola

1980: 137, Pall 1977: 196, 237). На ранний возраст вепской ойконимии с формантом *-l* указывает и то, что она формируется на основе древнего вепского именовслова. В ней отсутствуют образования от христианских имен (см. ниже).

Отсутствие ойконимов данного типа в Белозерье – на территории восточного диалекта, и в Прионежье – у северных вепсов, связано, видимо, с тем, что последние осваивались вепсами первоначально как промысловые, и только позднее здесь появилось постоянное население. Топонимия, сложившаяся в результате промыслового использования земель, т.е. названия водных объектов, лесных урочищ и т.д., переносились на поселения: озеро *Šimgärv* > поселение *Šimgärv*, река *Šokš* > село *Šokš*. Эта схема в целом согласуется с тем, что известно об истории формирования вепской территории. В частности, языковые данные говорят о том, что и в Присвирье, и в Белозерье вепсы проникали с ранее освоенной территории бассейна Свири, при этом известно, что, например, Прионежье осваивалось вепсами поздно, не раньше XIV века (Пименов 1965: 185).

Подавляющее большинство вепских поселений – это конгломераты малодворных деревень. Но помимо их есть и некоторое количество одиночных деревень, хуторов, выселков, являющихся хронологически более поздними поселениями, чем кусты. Среди их названий много секундарных, по природному объекту: хутор *Šonsel'g* назван по урочищу *Šonsel'g* (*sel'g* ‘гора, возвышенность, вытянутая по форме’), хутор *Pihär'* по одноименному озеру, а деревня *Sarg* по одноименной реке. Другие содержат в основе антропоним: *Išań*, *Krik*, *Vańhiman/sel'g*. Названия этих поселений интересны тем, что они могут служить своеобразной моделью для реконструкции процесса происхождения наименований гнезд поселений, происходившего столетия назад. Последние тоже когда-то начинались с одной деревни, а затем разрастались до сложного конгломерата.

Антропонимы в вепской ойконимии

Около 50% вепских ойконимов образовано от антропонимов – имен, фамилий, прозвищ. Северная деревня в силу исторических, социально-экономических и географических особенностей была при возникновении одно-, редко двух- или трехдворной. Самый естественный способ номинации в таких условиях – указание на основателя или владельца крестьянского двора. Многочисленные подтверждения этому обнаруживаются в исторических документах XV–XVI веков.

Среди антропонимов, участвующих в образовании наименований поселений, выделяется два слоя: нехристианские вепсские имена и христианские антропонимы, пришедшие в вепсский именослов из русского языка. Особая ценность вепсской ойконимии заключается в том, что в ней сохранились следы исконной вепсской антропонимии, утраченной языком. Особенно информативны для выявления вепсского именослова ойконимы *-l*-ового типа. Основная масса их – это устойчивые во времени названия кустов поселений, чем и объясняется наличие в них древних вепсских имен. Абсолютное большинство поддающихся этимологии топонимов с суффиксом *-l* содержит в основе нехристианский антропоним. Известно, как сложно провести четкую границу между прозвищами и нехристианскими личными именами. Исследователи древней прибалтийско-финской антропонимии по-разному определяют состав тех и других (Forsman 1891, Stoebke 1964, Kiviniemi 1982). Однако поскольку и личные имена, и прозвища – важные составные элементы древней системы именования, для целей нашего исследования нет необходимости в их разграничении.

Ниже приведены некоторые примеры вепсских наименований поселений *-l*-ового типа, содержащие в основе нехристианские именования.

Hübjoil, деревня на р. Оять. В основе реконструируется вепсский антропоним **Hübjoi*, восходящий к вепсскому слову *hüb* ‘сова, филин’, оформленному характерным для прибалтийско-финской ойконимии показателем *-oi-*. Соответствующий антропоним в виде *Huupiä* был известен и древнему карельскому именослову [Nissilä 1975:135].

Kokoil, деревня на р. Оять, а также *Коковичи*, деревня на бывшей вепсской, ныне обрусевшей территории на р. Оять. В основе реконструируется одно из наиболее широко распространенных древних прибалтийско-финских личных имен, известных финскому, эстонскому, ливскому именослову (Forsman 1891: 127, 149; Stoebke 1964: 38–39). Антропоним восходит к приб.-финскому *kokko* ‘орел’.

Terl, ныне русская деревня на р. Ояти. Русский вариант названия – *Тервиничи* – позволяет восстановить исходную вепсскую форму **Terv(a)l*, в которой суффикс *-l* присоединяется к антропониму *Terv*, от вепс. *terv* ‘смола’. В качестве мотива появления антропонима можно предполагать вид деятельности (смолокурение), а также темный цвет волос носителя имени (ср. такое объяснение истоков соответствующего финского и карельского антропонима Nissilä 1975: 152; SN).

Nurgoil, деревня на р. Капша. Можно предполагать, что в топониме использовано прозвище, связанное с вепс. *nurkta* (*nurbub*) ‘канючить, надоедать, ныть’. Отглагольное имя, обозначающее человека с соответствующими качествами, предполагается и в основе названия известного вепсского села Винницы – вепсское *Vingl*, ср. вепс. *vinkta* (*vingub*) ‘визжать, пищать’.

Из приведенных топонимов два – *Vingl* и *Terl* – упоминаются в соответствующих русских вариантах *Вьюница* и *Тервиничи* в письменном документе XIII в. – самом раннем, связанном с вепскими территориями.

На основе нехристианского вепсского антропонима образованы также такие названия вепских деревень на *-l* как *Haragal*, *Härigoil*, *Noidal*, *Ozroil*, *Rahkoil*, *Reboil*, *Kakoil*, *Karhil*, *Pecoil*, *Korvoil*, *Vilhal* и другие (Муллонен 1994: 87–92).

Кроме того, целая группа ойконимов описанного типа известна на бывшей вепсской территории, прилегающей с запада к ареалу современного вепсского расселения. Обрусение ее проходило на протяжении нескольких столетий, при этом русские модели, использовавшиеся для восприятия вепсского оригинального названия, менялись. В некоторых случаях протекала прямая адаптация вепсского названия:

Пудроль < вепс. **Pudroil*, в котором антропоним *Pudroil* восходит к вепс. *pudr* ‘густая каша’. Этот антропоним реально зафиксирован у южных вепсов (Kettunen 1943: 271), он известен также по данным родственных прибалтийско-финских именословов.

Кайбола < вепс. **Kaibal*, ср. широко распространенная в древнем прибалтийско-финском мире группа личных имен с основой *Kaipa-* (фин. *Kaipa*, *Kaipia*, *Kaivas*, *Kaivo*, эст. *Kaibeste*, *Kawiste*, *Kaibe* – Forsman 1891: 167, 179, 246; Kallasmaa 1985: 17), имеющей семантику ‘долгожданный, ожидаемый (ребенок)’.

Значительно чаще, однако, вепские оригинальные названия на *-l* в русской передаче утрачивали вепсский суффикс, замещая его древним славянским суффиксом *-ичи* или *-ицы*, характерным для ойконимов. Анализ этой группы названий бывших вепсских поселений позволяет реконструировать целый ряд утраченных ныне древних вепсских антропонимов. Известный финский лингвист Аугуст Алквист, посетивший вепсов Ояти в середине XIX века, застал деревню *Русконицы* еще населенной вепсами и зафиксировал вепсский вариант названия – *Rusttal* [Tunkelo 1946:5]. Название восходит к вепсскому антропониму **Rusked* – от вепс. *rusked* (в косвенных падежах основа

rustta-) ‘красный, красивый’. Название деревни *Имоченицы* на русской Ояти звучало по-вепски, видимо, как **Himačal*. В нем можно видеть древнее прибалтийско-финское имя *Hima* с продуктивным в вепской и карельской антропонимии суффиксом *-č* (карельское *-čču*), т.е. **Himač* с семантикой ‘желанный, долгожданный (ребенок)’. В названии деревни *Курикиничи* (вепс. **Kurikal*) сохранилась память об антропониме **Kurik* (вепс. *kurik* ‘дубина, колотушка для колки дров’). Надо полагать, что в антропониме закрепилось переносное значение слова *kurik* ‘башка, пустая голова’ (СВЯ). Подобная семантика, как известно, чрезвычайно благодатна для возникновения прозвища. На широкое бытование антропонима в прошлом указывает его функционирование в еще по крайней мере двух названиях вепских поселений: *Kurikmägi* или *Kurikanmägi* у южных вепсов и *Курикина Гора* на бывшей северновепской территории в Прионежье.

Старый вепский антропоним восстанавливается и в других ойконимах на *-ичи/-ицы* бывшей вепской территории в нижнем течении рек Оять, Капша, Паша, в том числе *Валданицы, Герпиничи, Гоморовичи, Гуреничи, Лембовичи, Мустиничи, Пижевичи*.

Если *-l*-овая модель вепских антропонимов формируется преимущественно за счет нехристианских антропонимов, то в других структурных моделях их доля на порядок меньше. Это связано с возрастом вепских ойконимов на *-l*. Очевидно, ко времени активного распространения среди вепсов православного именованья эта ойконимная модель уже вышла из употребления. В основах других моделей вепских ойконимов закрепились родовые прозвища, которые позднее или перешли в официальную фамилию, или сохранились в качестве неофициальной фамилии. Многие из них оказались утраченными системой вепских антропонимов, но сохранили о себе память в названиях деревень. Жители северновепского хутора *Habukad* имели фамилию Габуковы (вепс. *habuk* ‘ястреб’). Одна из деревень, входящая в состав северновепского села Шокша известна под именем *Hörč*, при этом оно явно восходит к сохранившемуся в фамилии жителей Герчины прозвищу *Hörč*, обозначающему задиристого, непокладистого по характеру человека. В названиях деревень *Reboi/mägi* и *Reb/agj* сохраняется память о вепском антропониме *Reboi*, происходящем из вепс. *reboi* ‘лиса’.

С начала II тысячелетия, с проникновением в область проживания вепсов русского населения, несшего с собой православие, вепские имена начинают вначале дополняться, а затем и сменяться русскими православными. В целом в вепских ойконимах православная антропонимия явно преобладает над нехристианской. Это связано с

тем, что среди ойконимов подавляющее большинство составляют не устойчивые, консервативные наименования гнезд (или кустов) поселений, а значительно более подвижные, меняющиеся со временем названия отдельных деревень и концов, входящих в гнездо поселений, а также названия выселков и хуторов. Практически ни одно из названий современных вепских деревень – составных частей кустов поселений – не подтверждается материалами письменных источников XVI–XVII веков. Более того, смена названий деревень, зафиксированная документально, происходила еще в конце XIX века. Такая неустойчивость способствовала тому, что старая вепская антропонимия, присутствовавшая в ойконимах, сменялась новой, православной.

Однако система вепского языка и закономерности вепской антропонимики накладывают отпечаток на бытование русских имен. К тому же необходимо учитывать, что русские календарные имена заимствовались через посредство севернорусских говоров и поэтому сохраняли свойственные последним особенности, в частности, особенности образования гипокористических, разговорных форм. Так, например, русское церковное Анна в северных русских говорах известно как Аша, и именно эта форма была усвоена в вепский именослов, где дополнительно оформилась вепским антропонимным суффиксом *-ei* (< *-oi*): *Ašei*. Названия вепских деревень сохранили во множестве следы этих теперь уже постепенно забывающихся вепских вариантов православных имен:

– в Прионежье у северных вепсов *Hama/mättaz*: вепс. *Hama* из рус. *Фома*; *Dimšan/posad*: вепс. *Dimš* из рус. *Димша*, уменьшительный вариант от *Дмитрий*;

– на реке Ояти *Doroi/mägi*: вепс. *Doroi* из рус. *Дорофей*; *Juš*: из вепс. *Juš*, восходящего к рус. *Юша* от русского календарного *Иван*;

– у южных вепсов *Juhnō* (рус. вариант топонима *Юхново*): вепс. *Juhoi* из рус. *Юха*, представляющего собой народный вариант календарного имени *Ефим*; *Timō* или *Timoi* из вепс. *Timoi*, в основе которого рус. *Тимофей*.

Этнографы пришли к выводу, что “в значительной части деревни вепсов являются как бы родовыми деревнями, объединяющими тот или иной род” (Малиновская 1930: 186). Очевидно, в ойконимах сохранились имена предков, основателей “родовых” деревень. Недаром некоторые из ойконимов данного типа явно перекликаются с современными фамилиями, бытующими в деревнях: дер. *Mel'ka/mättaz* – жители *Mel'khižed* (рус. *Мелькины*), *Mikša/mägi* – жители *Мишкины*,

Marku/tan – «уличная» (т.е. неофициальная) фамилия *Markinad* (рус. *Маркины*).

Антропонимные названия составляют ядро вепсской ойконимии. Помимо них содержится относительно небольшое число уже упоминавшихся “ситуативных” и отражающих типы сельских поселений названий. Небольшую группу ойконимов (всего около 50 названий) составляют те, в основе которых лежит ландшафтный термин: дер. *Kangaz* (вепс. *kangaz* ‘бор’), *Rand* (вепс. *rand* ‘берег’), *Sar* (вепс. *sar* ‘остров’), *Nem* (вепс. *nem* ‘мыс’), *Mägor* (вепс. *mägor* ‘вершина горы’) и др. Названия содержат определенную информацию о физико-географических особенностях местности, которой отдавалось предпочтение при заселении: это, прежде всего, берега рек и озер, а также более высокие, удобные для земледелия места.² Впрочем, при оценке экстралингвистической ценности топонимов надо учитывать роль самой топонимической системы в номинации, взаимовлияние и взаимообусловленность элементов внутри системы. Показательный пример – противопоставление ойконимов *Mägi* (*mägi* ‘гора’) и *Org* (*org* ‘низина’) в нескольких вепсских селах. Оно вызвано не столько реальными географическими мотивами, сколько требованиями индивидуализации в процессе называния.

В целом семантические особенности вепсской ойконимии во многом увязываются с особенностями самих поселений, например, типом поселения, а также временем и условиями его формирования. Так, в наименованиях гнезд поселений преобладают антропонимные названия, причем, сформировавшиеся на основе вепсского нехристианского именослова, а также вторичные ойконимы, образовавшиеся в результате метонимического переноса названий географических реалий на поселения. Наоборот, для деревень, входящих в гнездо поселений, вторичные ойконимы малоактуальны, а в антропонимном типе явно преобладают образования от христианских имен. В названиях отдельных концов кустов поселений отражается их расположение по отношению к центру куста (*Agj*, *Čoga*, *Sürj*), рельеф местности (*Org*, *Mägi*, *Rand*), а также тип поселения (*Posad*, *Kond*, *Tanaz*). Для наименований одиночных деревень и хуторов трудно выделить наиболее характерные семантические модели, поскольку им свойственны все отмеченные выше семантические типы. Видимо, это вызвано молодостью и неустойчивостью самих объектов называния.

---

² То, что деревни часто располагались на возвышенных местах, лучше видно по детерминанту, в роли которого активно используются термины *mägi* ‘горка’ (*Semoi/mägi*, *Kukoi/mägi*), *mättaz* ‘небольшая горка’ (*Marku/mättaz*, *Haragan/mättaz*), *sel’g* ‘вытянутая по форме гора’ (*Vaňhimansel’g*).

Структурные особенности вепсских ойконимов

По структуре вепсские ойконимы делятся на простые и сложные. На фоне других разрядов вепсской топонимии, в которых господствуют сложные конструкции, состоящие из детерминанта и определяющего его атрибута, ойконимия отличается большим числом простых наименований. Они составляют около 50% всех вепсских ойконимов. Причина заключается в том, что ойконимы в отличие от других разрядов вепсской топонимии обладают целым набором специфических ойконимных суффиксов, которые выполняют роль детерминанта.

В роли детерминанта сложных ойконимов используются представленные выше термины со значением 'поселение': *Kirikan/futor*, *Radin/pust*, *Aksin/tanaz*, *Suř/posad* и др. Однако активность их невелика. Значительно более распространена сложная ойконимная модель, в которой детерминантом выступают *-mägi* и *-mättaz* (последнее – у северных вепсов в Прионежье): *Juši/mägi*, *Johork/mägi*, *Konoi/mägi*, *Lařa/mägi*, *Levoi/mägi*, *Mikša/mägi*, *Mina/mägi* на Ояти, *Bořa/mägi*, *Fedra/mägi*, *Maksi/mägi*, *Omos/mägi* у южных вепсов, *Mikoi/mägi*, *Harši/mägi*, *Hořa/mägi*, *Manči/mägi* в Шимозере *Hama/mättaz*, *Marki/mättaz*, *Mina/mättaz*, *Koiran/mättaz*, *Seňkan/mättaz*, *Kirikon/mättaz* у северных вепсов. Вообще слова *mägi* и *mättaz* имеют значение 'холм, горка' и первоначально, при образовании ойконимов они, очевидно, отражали географическую характеристику местоположения поселения. Однако постепенно первоначальный смысл отходил на задний план и детерминанты *-mägi* и *-mättaz* начинают восприниматься как своеобразные номенклатурные термины, указывающие на класс называемого объекта. Неслучайно в Прионежье детерминант *-mättaz* выступает синонимом к детерминанту *-posad* 'деревня': *Dimšan/mättaz* = *Dimšan/posad*, *Ostašun/mättaz* = *Ostašun/posad*.

Атрибутивный элемент сложных ойконимов по общему для прибалтийско-финской ойконимии правилу выражен именем существительным или прилагательным: *Suv/agd'* 'юг-конец', т.е. 'южный конец', *Suř/posad* 'большая деревня'. Для атрибута, выраженного антропонимом, характерна генитивная форма. Генитив выполняет в них посессивную функцию: *Vaňkan/posad* ~ *Vaňkam/posad*; *Seňkam/mättaz*, *Markan/deřuuň*, *Radim/pust*. Сюда же относятся ойконимы, утратившие в результате ассимиляции показатель генитива *-n*, и внешне совпадающие с номинативом: *Mel'ka/mättaz* <

*Melkam/mättaz < **Melkan/mättaz* ‘Мелькина Гора’, *Hama/mättaz* < **Hamam/mättaz* < **Haman/mättaz* ‘Гамова Гора’.

Простые по структуре ойконимы разделяются на производные и производные. Производные ойконимы омонимичны послужившим для их образования нарицательным именам: дер. *Čoga* < *čoga* ‘угол’, *Haršom* < *haršom* ‘осиновый лес’ и антропонимам: на р. Оять *Feñk*, *Minač*, *Orešk*, *Ofoñ*, *Pañč*, *Savič* (Vilhal), *Juš*, *Kukoi*, *Kürš*, *Makar* (Ladv), *Ignaş*, *Semoi*, *Johorovad* (Järved); в Прионежье *Dokuć*, *Ondrušk*, *Fiła*, *Mitrei*, *Kiitaš* (< прозвище жителя деревни, связанное с тем, что последний служил во время первой мировой войны писарем в Китае); у южных вепсов *Jušk*, *Kl’ui* (< фамилия Клюев), *Nikanor*, *Bušak*, *Timō*, у восточных вепсов *Gouroi*, *Miron*, *Ontip*, *Onton* и др. Некоторые из них имеют параллели среди сложных по структуре образований: *Hotoi* ~ *Ho’ä/mägi*, *Lućk* ~ *Lućkam/mättaz*, *Mitrei* ~ *Mitreim/posad*. Поэтому непросто установить, какая из них первична. По всей видимости, часть из них является эллипсисами, тем более, что указание на двухкомпонентную структуру сохраняется иногда в русском варианте названия: *Krik* – *Крюкова Сельга* (< **Krikun/se’g*), *Lućk* – *Лучкина Гора* (< **Lućkam/mättaz*).

Производные ойконимы образуются с помощью словообразовательного аффикса. Среди вепских ойконимных суффиксов наиболее интересен суффикс *-l* (< **-la*). Его истоки в древнем финно-угорском *-l*-овом суффиксе, который получил широкое распространение в прибалтийско-финской ойконимии. Надо полагать, что этому способствовала малая продуктивность его в апеллятивной лексике, где суффикс первоначально использовался для образования производных с локативным значением прежде всего от наименований родственников: *setä-lä* ‘место жительства дяди’, *miehe-lä* ‘место жительства мужа’ (Накулинен 1968). В вепском языке суффикс вообще неизвестен в апеллятивной лексике: либо он со временем исчез, либо является сугубо топонимическим наследием древней прибалтийско-финской ойконимной системы. Как и в других прибалтийско-финских ойконимных системах, в вепской суффикс присоединяется к антропонимной основе. Однако если в других языках он активно образует топонимы от христианских имен, вепсская *-l*-овая ойконимия имеет дело практически только с нехристианской антропонимией (см. примеры выше). В совокупности с тем фактом, что модель используется прежде всего в наименованиях кустов поселений, которые отличаются большой долговечностью, стабильностью, это свидетельствует о древности модели в вепской ойконимии. На древность модели указывает также то обстоятельство, что в южном

Присвирье русские соответствия вепсской *-l*-овой ойконимии оформлены древним русским ойконимным формантом *-ичи/-ицы*: вепс. *Reboil* – рус. *Ребовичи*, вепс. *Vingl* – рус. *Винницы*, вепс. *Šond'al* – рус. *Шондовичи*, вепс. *Ozroil* – рус. *Озровичи*. Десятки ойконимов смежной русской территории с формантом *-ичи/-ицы* – это скрытые русской адаптацией бывшие вепсские ойконимы на *-l* (*Кургеницы*, *Вачукиницы*, *Уитовичи*, *Рекиничи*, *Шутиничи*, *Куневичи* и др.). Есть некоторые свидетельства того, что к XV веку эта русская модель в Присвирье выходит из употребления [Муллонен 1996]. Следовательно, исходные вепсские ойконимы не могут быть моложе XV в.

Вепсская ойконимия пользуется также суффиксами, которые в апеллятивном употреблении имеют коллективную семантику. Таким образом, в наименовании поселения выражается значение ‘коллектив жителей’. Незначительной продуктивностью обладает суффикс *-veh*: *Agveh*, *Orgveh*, *Sel'gveh* (Mägjärv), т.е. буквально ‘жители деревень *Agj*, *Org*, *Sel'g*’; *Zinkveh* и *Mišukveh* (Tožegi), восходящие к фамилиям жителей Зинков и Мишуков. Более известен коллективный суффикс *-išt*. Он имеет два ареала распространения: Прионежье и Белозерье. В обоих суффикс используется исключительно для образования ойконимов, при этом он практически неизвестен на этих территориях в апеллятивном функционировании.³ Суффикс присоединяется к основам, выраженным христианскими именами: в Прионежье *Deremišt* (вепс. *Derem* от рус. календарного *Еремеѳ*), *Fedorišt*, *Vasilišt*, *Tihoništ* и др., в Белозерье *Prangatišt* (метатеза, ср. рус. вариант названия *Панкратово*, от имени *Панкрат*), *Kindišt* (рус. православное *Кундеѳ*), *Kaišt* (рус. календарное *Кай*).

В ряду суффиксов с коллективной семантикой *-išt* и *-veh* надо рассматривать и формант *-d*, восходящий к грамматическому показателю множественного числа. Он используется в наименованиях деревень, входящих в кусты поселений, а также хуторов: *Arhipovad*, *Čigovad*, *Feřkovad*, *Jerkovad*, *Johorovad*, *Maimistad*, *Mikšovad*, *Nilkičud*, *Petrojevad* и др. В разряд ойконимных формант перешел через переходную ступень – антропонимию, где обозначал коллектив жителей. То, что многие из ойконимов указанного типа имеют отфамильное происхождение, т.е. в основе их русские формы фамилий на *-ов/-ев*, свидетельствует о молодости ойконимного типа на *-d*. Наибольшее распространение он получил на Ояти.

---

³ В роли апеллятивного суффикса с коллективной семантикой и в Прионежье, и в Белозерье используется суффикс *-žom*.

В ареале расселения южных вепсов ряд вепсских ойконимов – это усвоенные русские варианты названий с русскими посессивными суффиксами *-ино, -ов/-ев*: *Totorou – Татарово, Vočou – Бочево, Juñpō – Юхново, Zaharin – Захарино, Pāšin – Паньшино, Kiškin – Кишкино*. Такие же примеры известны и в Белозерье: *Rizou – Пузово, Turžin – Туржино, Kalinou – Калиново*. Эти территории являются южной и юго-восточной границей вепсского ареала, и в силу окраинного расположения, а также прочных контактов с русским населением вепсские говоры и топонимия здесь подверглись значительному русскому влиянию.

Каждый из описанных формантов, за исключением *-veh*, имеет свой ареал распространения, что объясняется как лингвистическими (например, стремление размежеваться с апеллятивными суффиксами), так и экстралингвистическими обстоятельствами (особенности и время заселения, контакты).

Признак, объединяющий все перечисленные выше суффиксальные модели – это присоединение к антропонимным основам. Причина кроется в особенностях расселения: однодворные на этапе своего возникновения деревни получали названия по именам своих основателей или владельцев крестьянского двора. Подавляющее большинство суффиксальных ойконимов и сейчас выступает как названия небольших деревень – частей куста поселения, хуторов, выселков, причем некоторые сохраняют связь с фамилиями, именами, прозвищами живущих. Исключение составляют ойконимы *-l*-овой модели. Возникнув когда-то как названия однодворных деревень, постепенно, в ходе роста и сегментации последних, распространились на весь куст поселений.

Каждый из описанных формантов имеет помимо ареала и свою хронологию. Это позволяет делать определенные выводы по истории освоения вепсами Межозерья. В частности, ойконимия свидетельствует в пользу более раннего освоения вепсами Ояти и смежных с ней районов, в то время как Прионежье и Белозерье осваивались позже. Аналогии в ойконимных типах двух последних территорий могут быть возможным следствием единых истоков заселения.

Литература

АК (1996) = *Археология Карелии*. Петрозаводск.

- FORSMAN, A. V. (1891) *Tutkimuksia Suomen kansan persoonallisen nimistön alalla I*. Helsinki.
- НАКУЛИНЕН, LAURI (1968) *Suomen kielen rakenne ja kehitys*. Helsinki.
- KALLASMAA, MARJA (1985) *Von Personennamen abgeleitete Ortsnamen auf der Insel Saaremaa*. In: *Советское финно-угроведение* 21, pp. 16–21.
- КЕТТУНЕН, LAURI (1943) *Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus*. Helsinki.
- KIVINIEMI, EERO (1982) *Rakkaan lapsen monet nimet. Suomalaisten etunimet ja nimivalinta*. Espoo.
- МАЛИНОВСКАЯ З. П. (1930) *Из материалов по этнографии вепсов*. In: *Западнофинский сборник: Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран*. Ленинград, pp. 164–200.
- МИККОНЕН, PIRJO–РАЙКАЛА, SIRKKA (1992) *Sukunimet*. Helsinki.
- МУЛЛОНЕН И. И. (1994) *Очерки вепсской топонимии*. Санкт-Петербург.
- МУЛЛОНЕН И. И. (1996) *Об одной древнерусской ойконимной модели в Присвирье и Обонежье*. In: *Язык: история и современность*. Санкт-Петербург, pp. 109–120.
- NISSILÄ, VILJO (1962) *Suomalaista nimistöntutkimusta*. Helsinki.
- NISSILÄ, VILJO (1975) *Suomen Karjalan nimistö*. Joensuu.
- PALL, VALDEK (1977) *Põhja-Tartumaa kohanimed II*. Tallinn.
- ПИМЕНОВ В. В. (1965) *Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры*. Москва–Ленинград.
- СТОЕВКЕ, D.-E. (1964) *Die alten ostseefinnischen Personennamen in Rahmen eines urfinnischen Namensystems*. Hamburg.
- TUNKELO, E. A. (1946) *Vepsän kielen äännehistoria*. Helsinki.
- ВАНТОЛА, JOUKO (1980) *Tornionjoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty. Nimistöntieteellinen ja historiallinen tutkimus*. Rovaniemi.
- ВОРОНИН Н. Н. (1935) *К истории сельских поселений феодальной Руси: погост, слобода, село, деревня*. Ленинград.
- ЗАЙЦЕВА М. И.–МУЛЛОНЕН М. И. (1972) *Словарь вепсского языка*. Ленинград.